

32

На правах рукописи

Карпова Татьяна Николаевна

**ДРАМА ПОЭТА: ЛИЧНОСТЬ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ
В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРПРЕТАТОРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

24 00 01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

10 ИЮЛ 2008

Ярославль
2008

Работа выполнена на кафедре культурологии и журналистики
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им К Д Ушинского»

Научный руководитель Заслуженный деятель науки РФ,
доктор искусствоведения, профессор
Злотникова Татьяна Семеновна

Официальные оппоненты доктор искусствоведения, профессор
Барабаш Наталия Александровна,

кандидат искусствоведения
Синотина Елена Владимировна

Ведущая организация ГОУ ВПО «Мордовский
государственный университет
им Н П Огарева»

Защита состоится 26 июня 2008 г в 11 час на заседании диссертацион-
ного совета Д 212 307 04 по защите докторских и кандидатских диссертаций
при ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им К Д Ушинского» по адресу г Ярославль, Которосльская наб , 46-в,
ауд 506

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им К Д Ушинского» по адресу г Ярославль, Республиканская ул , 108

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000, г Ярославль,
Республиканская ул , 108 Диссертационный совет Д 212 307 04

Автореферат разослан « **22** » мая 2008 г

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат культурологии, доцент

Н Н Летина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема интерпретации как личностно детерминированной деятельности традиционно осознается и теоретиками, и практиками искусства как одна из актуальнейших в культуре XX столетия, с его интересом к авторской индивидуальности, эта проблема неизбежно смыкается с проблемой личности как субъекта интерпретации

Актуальность исследования обусловлена принципиальной значимостью для современного искусствоведения проблематики личностных мотивов и нетривиальных итогов интерпретации

Марина Цветаева как драматург-интерпретатор представляет особый интерес для искусствоведов, культурологов, практиков театра, режиссеров и актеров. Для инспирирования такого интереса существуют следующие основания

- пренебрежение обыденностью и пристрастие к преобразению реальной жизни, осуществляемое М. Цветаевой через соотнесение реальности (себя самой, людей, ее окружавших, обстановки, событий) с художественно-образным миром произведений искусства, позволяет рассмотреть личность поэтессы как интерпретатора художественного опыта классиков и современников и реального опыта собственной жизни,

- личность М. Цветаевой как интерпретатора значима и в силу того, что поэтесса, обладая высоким уровнем интеллекта, крайней независимостью суждений и предельной искренностью в их выражении, демонстрировала качества, позволяющие не только интерпретировать, но и создавать новые произведения,

- особый интерес представляет личность М. Цветаевой как интерпретатора-драматурга, поскольку драматургия М. Цветаевой — одна из наименее изученных в искусствоведении сфер ее творческого наследия. Особенно важным представляется воссоздание этого образа в силу того, что театральное искусство расценивалось поэтессой как чуждое ее творческой индивидуальности

Проблема исследования. С окончанием советской эпохи и снятием идеологических запретов отечественный театр получил возможность брать в качестве драматургической основы спектакля любой литературный материал, в том числе произведения авторов Серебряного века. Прочно вошли в репертуар современных театров спектакли, поставленные по мотивам нескольких произведений одного или нескольких авторов. Тем не менее, разнообразная по драматургическому наполнению постсоветская постмодернистская театральная культура пьесы поэтов-лириков Серебряного века оставила почти без внимания. Причина отсутствия театральных прочтений драматургии М. Цветаевой, вероятно, заключается в не до конца осознанных особенностях драматургии поэтов-лириков, их глубоко личной, лирической окраске, требующей вовлечения в спектакли по таким пьесам автобиографического и культурно-исторического контекста, в условиях которого эти произведения были созданы. Почти отсутствуют литературо-

ведческие и искусствоведческие работы, вскрывающие этот контекст Наше исследование в определенной степени заполняет имеющуюся лакуну

М Цветаева, поэт-лирик, рассматривается в новой для искусствоведческой традиции «роли» драматурга-интерпретатора, причем интерпретатора как собственного биографического опыта, так и художественного опыта классиков и современников В связи с этим выявляются ее характерные черты в аспекте контекстуальных взаимосвязей (в рамках личностных устремлений и культурно-исторической ситуации эпохи) в структурном аспекте (составляющие образа М Цветаевой как драматурга-интерпретатора и содержание этих составляющих), в функциональном (закономерности восприятия и истолкования интерпретируемого автобиографического опыта, опыта классиков и современников и создания собственных драматических художественных интерпретаций на их основе)

Интерпретация М Цветаевой личного биографического опыта и художественного опыта классиков и современников рассматривается как способ перевода реальных жизненных впечатлений поэтессы, часто носивших частный характер, в сферу творчества, вследствие чего материал обыденной жизни обретал бытийный характер, а мир обыденности преображался в мир искусства

Цель диссертационного исследования — выявить особое качество личности М И Цветаевой как драматурга, нуждавшегося в совокупности внешних импульсов (культурная традиция, автобиография), и как интерпретатора, испытывавшего потребность в создании оригинальной образной системы, причем в «чужом», не лирическом, а драматическом горизонте

Автор ставит перед собой следующие задачи:

1 Определить особенности автобиографического контекста, в соответствии с которым формировался творческий интерес, определивший факт обращения М Цветаевой, поэта-лирика, к драматическому роду литературы

2 Определить место драматургии М Цветаевой в историко-культурном и психологическом контексте эпохи ее создания

3 Взаимно соотнести биографический контекст и психологические причины обращения М Цветаевой к драматическому роду литературы в периоды 1918-1919 гг (цикл «Романтика») и 1923-1927 гг (цикл «Гнев Афродиты»)

4 Выявить психологические причины выбора в качестве объекта интерпретации конкретного биографического материала и исследовать особенности его толкования поэтессой

Объект изучения – творческая личность М Цветаевой-поэта как автора драматических произведений

Предмет исследования – интерпретация художественно-образного мира классиков и современников, а также биографических мотивов жизни М Цветаевой в ее драматических произведениях

Гипотеза исследования состоит в предположениях

1 Театральное искусство, расценивавшееся М Цветаевой как чуждое ее творческой индивидуальности, на самом деле было близко поэтессе в силу особого «градуса», драматизма переживаний ею собственных жизненных коллизий

2 Романтическое мироощущение, свойственное М Цветаевой, обусловило содержательные и стилевые особенности интерпретации поэтессой биографических мотивов собственной жизни и художественного опыта классиков и современников

3 Первостепенную значимость в интерпретаторской деятельности для М Цветаевой-драматурга играло истолкование ею субъективно-личностных коллизий Интерпретация конкретного эстетического опыта классиков и современников представляла для поэтессы вторичный интерес

4 Обращение М Цветаевой к драматическому роду литературы в определенные периоды ее жизни было обусловлено усилением влияния на подсознание поэтессы всегда находившегося в состоянии актуализации архетипа Духа, спровоцировавшего желание М Цветаевой преобразить не только свой собственный облик, но и облик окружавших ее людей, и внешние обстоятельства обыденной жизни

5 Находящийся в состоянии актуализации в подсознании поэтессы архетип Трикстера, а также гендерные характеристики М Цветаевой обусловили превалирование в ее драмах лирического начала над драматическим и явились причиной тяготения поэтессы к жанру мелодрамы

Методология работы. Методологические подходы в работе отвечают теоретической базе современного искусствоведения, обогащенной концепциями системного анализа и методами и приемами других наук, в том числе культурологии, психологии творчества

В диссертации используется комплексный, искусствоведческий и психологический, подход к анализу личности М Цветаевой как интерпретатора-драматурга Широко использован метод комплексного анализа текста с привлечением методов сравнительного, типологического и функционального анализа

В силу того, что поэтесса, с одной стороны, интерпретирует коллизии собственной жизни, а с другой, — художественный опыт классиков и современников, мы посчитали возможным в основу анализа взять методологический принцип постмодернизма (М Фуко), согласно которому интерпретацией следует считать не только истолкование художественных произведений (позиция традиционной герменевтики), но и истолкование частной жизни интерпретатора им самим (позиция нетрадиционной герменевтики)

Важным методологическим пластом в работе являются *традиции герменевтики* (М Бахтин, В Библиер, Г Гадамер, М Хайдеггер, Ф Шлейермахер, Г Шпет), позволяющие интерпретировать культурные тексты с учетом самосознания творца Большую роль в работе играет теория диалога (традиция М Бахтина)

При исследовании феномена интерпретации как личностно детерминированной деятельности нам важно было выявить мотивы и причины истолкования М Цветаевой интерпретируемого материала определенным образом, проследить связи самосознания творца с современной автору культурой и эпохой. Зная последующий ход развития художественного процесса, отдавая себе отчет в изменившемся восприятии и понимании эпохи, когда создавала свои драмы М Цветаева, мы осознанно избираем ракурс, позволяющий максимально приблизиться к пониманию аутентичных условий и особенностей интерпретационной деятельности поэтессы. Поэтому и трактовка художественных явлений, литературных персонажей, реальных персон дается именно с учетом аутентичного контекста.

Для изучения личности М Цветаевой-драматурга избрана *психоаналитическая теория К Г Юнга*, в частности, важное место в диссертации отведено проблеме актуализации в подсознании М Цветаевой тех или иных архетипов и их отражения в сфере драматургического творчества поэтессы. На наш взгляд, именно идеи Юнга наиболее адекватно позволяют рассмотреть личность М Цветаевой. Подходы, предложенные ученым, совмещают в себе, с одной стороны, преклонение перед тайнами творчества, что было свойственно самой поэтессе, с другой, — предоставляют адекватный научный инструментарий для изучения и анализа творчества художника, что, на наш взгляд, приветствовалось бы самой М Цветаевой, обладавшей острым аналитическим умом.

Драматургия М Цветаевой изучалась с учетом весьма значимой *гендерной проблематики*. Гендерный подход к личности и творчеству М Цветаевой явился результатом экстраполяции исследований как отечественных (И Кона, В Кагана, А Хрипковой, Д Колесова, Ю Орлова), так и зарубежных (Р Бостанжиева, Е Кабакчиевой, П Рандева, Д Элиума, Дж Элиума) ученых.

Мы считаем возможным объединение в работе юнгианских идей и гендерной методологии. Представление об архетипе, введенное Юнгом, актуализирует специфику массового сознания, опираясь на его архаические основания, и тяготеет к исследованию онтологических основ бытия. Гендер актуализирует проблематику социальной философии эпох индустриального и постиндустриального обществ.

Юнгианский, гендерный, а также биографический подходы использованы в ходе реконструкции самосознания М Цветаевой как драматурга и интерпретатора. При этом биографический подход не предполагает утверждения прямой обусловленности художественного творчества биографическими фактами, он адекватен принципам биографизма, актуализированным самосознанием М Цветаевой как романтической личности.

При изучении драматургии М Цветаевой в контексте художественного опыта эпохи ее создания использован культурно-исторический подход. Для подтверждения обусловленности художественных тенденций эпохи ее «духом» использована юнгианская методология.

Теоретико-методологическая база исследования ориентирована на деятельность научной школы кафедры культурологии и журналистики ЯГПУ им К Д Ушинского, на которой выполнена работа

Степень разработанности проблемы

Общие позиции

1 К началу XXI в проблемы теории интерпретации получили отражение в работах М Бахтина, В Библиера, Г Гадамера, П Рикера, Ф Шлейермахера, Г Шпета Практически всеми исследователями подчеркивался личностный характер интерпретации Современная наука признает, что процесс интерпретации не сводится к рациональной сфере, этот процесс скорее подобен художественному творчеству, чем научным трудам

2 Основными источниками по психологии творчества стали работы К Г Юнга Для проведенного исследования имели значение изыскания Л Выготского, Т Злотниковой, И Кона

3 При изучении гендерной проблематики учитывались работы Р Бостанжиева, Е Кабакчиевой, В Кагана, И Кона, Д Колесова, Ю Орлова, П Рандева, А Хрипковой, Д Элиума, Дж Элиума

4 Ориентирами работы в области истории и типологии культуры (в том числе театральной, имея в виду исследуемый период) стали работы Б Алперса, А Аникста, И Кондакова

5 В диссертации учтены созданные о М Цветаевой в разное время крупные литературоведческие исследования (М Белкина, И Кудрова, А Саакянц, В Швейцер)

Специальные позиции

Драматургия М Цветаевой Эта часть творческого наследия поэтессы лишь дважды становилась объектом диссертационных исследований А Смольяков (Стилизация в русской поэтической драме начала XX века Драматургический цикл М И Цветаевой «Романтика» Дисс канд искусствоведения) (1998) рассматривал пьесы цикла «Романтика» как стилизацию романтического стиля и одновременно пародию на декаданс, Д Кумукова (Музыкально-синтетическая концепция театра конца XIX-начала XX веков и театр М И Цветаевой Дисс канд искусствоведения) (2001) исследовала возможность сопоставления пьес цикла «Гнев Афродиты» с музыкально-синтетической концепцией театра рубежа XIX-XX вв

В целом, в имеющихся на сегодняшний день научных работах, касающихся драматургического цикла М Цветаевой «Романтика», четко прослеживаются два направления исследований 1) выяснение биографической основы драм поэтессы, 2) их соотнесение с эстетическими ценностями конкретных эпох и произведениями конкретных авторов

Первое из направлений получило отражение в работах А Саакянц («Марина Цветаева Жизнь и творчество»), В Швейцер («Быт и бытие Марины Цветаевой»), И Кудровой («О странностях любви»), а также Г Бродской («Сонечка Голидэй Жизнь и актерская судьба»), коснувшейся

проблемы ранней цветаевской драматургии Утверждалось, что пьесы цикла «Романтика» по своим смысловым и стилистическим характеристикам перекликаются с лирическими циклами и отдельными стихотворениями М Цветаевой этого времени, посвящены одним и тем же людям Ю Завадскому, В Алексееву, С Голлидэй, А Стаховичу Указывалось, что под масками главных героев пьес «Романтики» скрываются люди, окружающие поэтессу в момент написания произведений, а также она сама, идентифицирующая себя и их с литературными или историческими персонажами

Так, говорилось об образах, в которых поэтесса представила свое видение Ю Завадского Господин в плаще («Метель»), Казанова («Приключение»), Лозен («Фортуна»), Каменный Ангел («Каменный Ангел»), А Стаховича Казанова («Феникс»), С Голлидэй Аврора («Каменный Ангел»), Франсиска («Феникс»), Розанетта («Фортуна»), Девчонка («Приключение»), В Алексеева Лозен («Фортуна»)

Что касается самоидентификации М Цветаевой с героинями пьес «Романтики», то А Саакянц и Г Бродской делали ссылки на два образа Дамы в плаще («Метель»), и Анри-Генриетты («Приключение»)

В качестве причины обращения М Цветаевой к драматическому роду литературы в первые послереволюционные годы исследователями творчества поэтессы называются внешние обстоятельства ее жизни в этот период, а именно факт сближения с людьми театра

Несмотря на кажущееся обилие упоминаний и создающееся впечатление исчерпанности проблемы автобиографизма цикла «Романтика», имеющиеся научные исследования предоставляют, на наш взгляд, все же фрагментарную, а порой и недостаточно убедительную картину

Так, отсутствуют обоснования, объясняющие подлинные личностные причины обращения М Цветаевой к драматическому роду литературы именно в период 1918-1919 гг

Не все главные персонажи драм М Цветаевой соотнесены с конкретными людьми, близкими поэтессе в то время В частности, своего рода загадкой для исследователей остались образы пьесы «Червонный Валет», которая выпадает из общего контекста анализа цикла как внебиографическая

Не сложилось единого мнения у исследователей по поводу того, кого поэтесса идентифицировала с главным героем пьесы «Фортуна» Так, А Смольяков высказал предположение, что в образе герцога Лозена М Цветаева отразила свое видение личности не Ю Завадского, как считают другие исследователи, а В Алексеева

Оставлена вообще без внимания исследователями творчества поэтессы личность П Антокольского На настоящий момент закрепилось далеко не единственное возможное представление о том, что Антокольского она не

идентифицировала ни с одним из героев своих пьес — несмотря на духовное родство, об ощущении которого в общении с поэтом писала сама М. Цветаева.

О причинах долгого и пристального внимания поэтессы к личности Ю. А. Завадского не пишет никто из исследователей.

Не до конца прояснена и важная, заслуживающая комментариев проблема выбора поэтессой в качестве материала для художественного осмысления взаимоотношений именно с этими людьми. Исследователи творчества М. Цветаевой писали о причинах возникновения интереса поэтессы к С. Е. Голлидэй и А. А. Стаховичу. В частности, отмечалось, что трепетное отношение М. Цветаевой к С. Е. Голлидэй было вызвано лесбийскими склонностями поэтессы (эта тема муссируется в исследованиях С. В. Поляковой «Незакатные оны дни М. Цветаева и Парнок», Л. Файлер «Марина Цветаева»). Личность Стаховича, согласно мнению А. Саакянц, вызвала интерес поэтессы, поскольку она идентифицировала актера с близким ей по духу XVIII веком. Г. Ю. Бродская отмечает, что идентификации Стаховича с веком романтизма способствовал просмотр поэтессой спектакля «Зеленое кольцо» во II студии МХТ, где актер играл роль пожилого аристократа дяди Мики, которого М. Цветаева и восприняла как воплощение XVIII столетия.

Пьесы цикла «Гнев Афродиты» практически не исследованы. В монографиях по творчеству М. Цветаевой А. Саакянц, В. Швейцер, И. Кудровой отмечается лишь, что пьесы не предназначались поэтессой для постановки на сцене, по жанру представляют собой драмы для чтения, а также то, что их поэтика имеет черты сходства с лирикой и поэмами М. Цветаевой, написанными в это же время. Попыток вписать пьесы цикла «Гнев Афродиты» в автобиографический контекст жизни поэтессы не предпринималось.

Второй вектор исследований, отразившийся в исследованиях А. Саакянц и А. Смольякова, направлен на выявление особенностей интерпретации поэтессой эстетических ценностей отдаленной культурной эпохи.

Однако целостная картина диалога с эстетическими ценностями различных эпох и произведениями отдельных авторов в каждой драме цикла «Романтика» отсутствует. Говорится лишь о заимствовании М. Цветаевой из других произведений фабул для своих драм: фабулы пьесы А. Блока «Роза и Крест» для драмы «Червонный Валет», любовных эпизодов из мемуаров герцога Лозена для пьесы «Фортуна», эпизодов жизни из мемуаров Казановы для драмы «Приключение» и «Феникс» (А. Саакянц).

А. Саакянц и А. Смольяков считают, что пьесы цикла «Романтика» соотносятся с традицией драмы романтизма. А. Смольяков определил творческий метод М. Цветаевой как «игру с романтическим стилем». В пьесе «Червонный Валет» исследователь подметил элементы декаданса, который не был объектом интереса поэтессы, что явилось аргументом мнения о пьесе «Червонный Валет» как о пародии на искусство декаданса.

Попыток соотнести драмы цикла «Гнев Афродиты» с эстетическими ценностями какой-либо эпохи, рассмотреть данные пьесы как интерпретацию мифов и авторских произведений, созданных до того, как к мифологическим сюжетам о Федре и Ариадне обратилась М Цветаева, не предпринималось

Таким образом, ни в контексте эпохи, ни в контексте личностных, в том числе интерпретационных, интенций М Цветаевой ее драматургия не изучена. Это касается и драматургических циклов в целом, и входящих в них пьес, и отдельных коллизий и персонажей, и духовных и стилистических особенностей

Материал исследования – драматические тексты М Цветаевой, дневниковые записи и письма поэтессы, реконструируемый на основе документальных свидетельств, мемуаров и художественного творчества поведенческий текст, художественные произведения, ставшие объектом интерпретации М Цветаевой, мемуары, документальные свидетельства современников, позволяющие воссоздать образы людей, близких поэтессе, ставших объектом ее интерпретации, литературная критика, научные тексты, осмысляющие личность М Цветаевой и ее творчество

Научная новизна исследования состоит в том, что

- изучены особенности интерпретации личностью биографического и культурно-исторического контекста драматургического творчества,
- воссоздан драматургический контекст пьес М Цветаевой, цикл «Романтика» соотнесен с театрально-драматургическими направлениями русской культуры первых послереволюционных лет, цикл «Гнев Афродиты» — с театрально-драматургическими направлениями культуры русской эмиграции и западноевропейской драмы 20-х годов XX века,
- смоделирован психологический портрет М Цветаевой как творческой личности с учетом актуализировавшихся в ее подсознании архетипов и влияния гендерного фактора,
- выявлены личностные устремления поэтессы, обусловившие ее обращение к драматическому роду литературы,
- обоснована обусловленность феномена личностной интерпретации романтическим мироощущением поэтессы, явившимся причиной придания объектам интерпретации М Цветаевой романтического ореола,
- при рассмотрении личностной интерпретации учтены особенности личностей людей, выступивших в качестве объекта интерпретации, что позволило увидеть скрытые, неосознанные ранее мотивы поступков, поведения М Цветаевой, снять прямолинейность и резкость в оценке ее личности. Принятие во внимание личностей объектов интерпретации позволило вскрыть неясные ранее причины их истолкования именно в таком свете,
- актуализирована не только непосредственно драматургическая,

писательская составляющая личности поэтессы, но и актерская и режиссерская ее составляющие,

- определена жанровая принадлежность драм М Цветаевой как лирических романтических мелодрам (цикл «Романтика»), интеллектуальных мелодрам (цикл «Гнев Афродиты»)

Теоретическая значимость работы определена тем, что

- к творчеству выдающейся представительницы русского искусства конца 10-х – начала 20-х гг XX в применяется категориальный аппарат психоаналитической теории архетипов К Г Юнга, художественные течения эпохи рассматриваются как сфера проявления архетипов русской коллективной души,

- выявлены структурные составляющие образа М Цветаевой как драматурга-интерпретатора драматург, актриса, режиссер,

- обоснованы психологические интенции драматургического творчества М Цветаевой, выявлена личностная мотивация обращения поэтессы к драме, прослежено действие механизма психологической защиты в драматургическом творчестве поэтессы,

- опровергнуто устоявшееся мнение о чуждости театрального искусства творческой индивидуальности М. Цветаевой Сделан вывод об органичности для поэтессы искусства театра, что обусловлено драматизмом переживания ею жизненных коллизий, романтическим мироощущением поэтессы

Практическая значимость заключается в том, что на основе проделанной нами работы возможно проведение аналогичных исследований других, в особенности парадоксальных и противоречивых, персоналий русского искусства, материалы работы могут быть использованы в практике преподавания эстетики, истории русского искусства и русской культуры, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных психологии творческой личности, материалы диссертации могут служить основой для сценического прочтения драматургии М Цветаевой, предлагая «ключ» к режиссерской концепции спектаклей по драматургии поэтессы и актерским интерпретациям персонажей пьес М Цветаевой

Личный вклад диссертанта состоит в том, что в исследовании выявлено самостоятельное значение драматургического творчества М Цветаевой как определенного эстетического комплекса Интерпретаторская деятельность поэтессы исследовалась с учетом психологического модуса, воссоздававшего по принципу искусствоведческой ретроспекции

На защиту выносятся следующие положения

- 1 Театральное искусство, декларируемое М. Цветаевой как чуждое, на самом деле было органично ее творческой индивидуальности, что обуславливалось парадоксальностью интенционального подхода поэтессы к

драме как воплощению не принимаемого ее поэтической субъективностью театрального «мира»

2 Обращение М Цветаевой к драматическому роду литературы в конкретные периоды ее жизни было обусловлено усилением влияния на ее подсознание находившегося в состоянии актуализации архетипа Духа

3 Для М Цветаевой как интерпретатора важнее было истолковать субъективно-личностные коллизии своей жизни, нежели художественный опыт классиков и современников

4 Находящийся в состоянии актуализации в подсознании М Цветаевой архетип Трикстера и гендерный модус поэтессы обусловили ярко выраженный лирический характер ее драматургии и тяготение к жанру мелодрамы

5 Образ М Цветаевой как драматурга-интерпретатора складывается из нескольких составляющих драматург, актриса, режиссер Самоощущение и самореализация в разных «ролях», сферах театральной деятельности обеспечивали поэтессе постоянно ускользающее ощущение внутреннего равновесия — посредством ухода из мира быта в мир бытия, каким для нее было искусство

6 Сфера обывденной жизни М Цветаевой и воспринятый ею художественный опыт классиков и современников обрели в ходе интерпретации ярко выраженную личностную, причем романтическую окраску, под влиянием чего материал интерпретации оказался облечен в жанровую форму романтической лирической мелодрамы (цикл «Романтика») и интеллектуальной мелодрамы (цикл «Гнев Афродиты»)

Апробация работы осуществлялась на заседаниях кафедры культурологии и журналистики ГОУ ВПО «ЯГПУ им К Д Ушинского», на международных научных конференциях «Человек в информационном пространстве» (Ярославль, 2005 г), «Наука та освіта — 2006» (Днепропетровск, 2006 г.), «Чтения Ушинского» (Ярославль, 2006 г), «Диалог языка и культуры» (Ярославль, 2006 г), «Алмазовские чтения» (Ярославль, 2006 г), «XII Пушкинская конференция (Большие Вяземы, 2006 г), на I международном коллоквиуме молодых ученых «Науки о культуре в новом тысячелетии» (Ярославль, 2007 г) По теме диссертации опубликовано восемь научных статей, в том числе – одна, осуществленная в ведущем рецензируемом научном издании, рекомендованном ВАК РФ

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав («Личностный и историко-культурный контекст драматургии М Цветаевой», «Драматургия М Цветаевой в аспекте интерпретации автобиографического опыта», «Драматургия М Цветаевой в аспекте интерпретации художественного опыта классиков и современников»), заключения, библиографического списка, включающего 192 наименования Объем работы — 258 с

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обозначается значимость выбора темы исследования, ее актуальность, определяются цель и задачи исследования, его предмет, объект и материал, фиксируются предметные и хронологические рамки исследования, обозначается его методологическая основа, формулируется гипотеза исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость

В главе 1 – «Личностный и историко-культурный контекст драматургии М. Цветаевой» – исследуется конкретное личностное и историко-культурное наполнение контекста, в условиях которого была создана драматургия М. Цветаевой

В параграфе 1.1 — «*Драматургическое творчество М. Цветаевой в контексте личностных устремлений поэтессы*» — характеризуется личностный контекст, повлиявший на формирование психологических условий обращения М. Цветаевой, поэта-лирика, по природе творческого дарования, к драматическому роду литературы

М. Цветаева остро осознавала два свойства своей личности: присущее ей творческое начало и гендерный статус

Творческое начало было мучительно и разрушительно для поэтессы — девушки — женщины — жены — матери. Разрушительно настолько, что его влияние на личность М. Цветаевой привело к новому наполнению архетипа Матери, который сблизился в подсознании поэтессы с архетипами Младенца, Возрождения, Трикстера. Данная ситуация способствовала обозначению с особой выпуклостью в личности М. Цветаевой черт, традиционно относимых к мужскому характеру.

Поэтесса драматически переживала разрушение в собственной личности женского начала творческим. Ощушая себя рабой поэтического дара, она осознавала себя крайне несчастной женщиной — вследствие своей обделенности вниманием со стороны мужчин.

Оскорбленное женское самолюбие спровоцировало желание М. Цветаевой доказать всем, прежде всего мужчинам, свою женскую исключительность. Но поскольку женское начало оказалось «перекрыто» в личности М. Цветаевой началом творческим, она утверждала свою женскую неповторимость не через традиционное для женщины акцентирование достоинств внешности, а через достижения в профессиональной сфере, творчестве — вела себя в манере, свойственной мужчине, чем еще более отпугивала мужчин от себя.

Ощущение краха в любви оборачивалось для М. Цветаевой тяжелой душевной драмой. Сама М. Цветаева переживала драму поэта, что на уровне жизнеустройства (в понятиях соответствующей эпохи), или на уровне компенсаторной деятельности (в понятиях психоаналитической теории)

вызывало у М Цветаевой, поэта-лирика, субъекта монологической речи, потребность освоить соответствующий душевному состоянию род литературы

Драма для поэтессы — сфера, где она моделировала желаемую для себя жизнь, «проигрывая» взаимоотношения с объектами своих страстей, преображая свой собственный и их облик

Для М Цветаевой драма — это не собственно путь к театру, а новый, особенно напряженный способ творческой самореализации, это не результат поиска, а его процесс, со всей присущей таковому спонтанностью и субъективностью

Отсутствие «женской» драматургической традиции ставило М Цветаеву-драматурга в разряд поистине исключительной творческой индивидуальности

Драматургические произведения, предполагающие ориентацию на последующее сценическое воплощение, предоставляли М Цветаевой, склонной к максимальной экспрессии в подаче эмоций, возможность расширить диапазон их выражения, заявить о своей исключительности во всеуслышанье, с театральных подмостков

Наличие в характере М Цветаевой черт, приписываемых мужской психологии и мужскому стилю поведения, склонности к спонтанному выплеску эмоций, соревновательности и конфликтности, также спровоцировали желание поэтессы писать драму, традиционно считавшуюся приоритетом мужского творчества

На решение М Цветаевой писать пьесы повлияла склонность поэтессы к отождествлению собственной личности с образом романтической героини — желание противопоставить собственную позицию общепринятой

В параграфе 1.2 — *«Драматургия М. Цветаевой в контексте «духа эпохи»* — характеризуется психологический и историко-культурный контекст эпохи, в котором были созданы драмы М Цветаевой, определяется их место в этом контексте

Драмы М Цветаевой рассматриваются в рамках тенденции драмы-стилизации как сфера проявления архетипа Духа

Обращение к опыту психологической, символистской либо «революционной» драмы первых послереволюционных лет не могло быть органично для поэтессы В психологической драме М Цветаева не приемлет акцентуацию обыденности, в символистской — смещение внимания с героев на условно-обобщенные образы, в «революционной» — идеологизированный характер

При воссоздании контекста драматургического творчества М Цветаевой выделяются две тенденции, к которым тяготеет драма культуры русского

зарубежья реалистическая и модернистская В реалистической тенденции — социально-бытовые и социально-психологические драмы В модернистской тенденции — социально-критические драмы, содержащие элементы постмодернизма, и драмы-стилизации

Художественные устремления социально-бытовой, социально-психологической и социально-критической драмы русского зарубежья 20-х годов XX в не были приоритетны для М Цветаевой, ибо предполагали связь с социальными проблемами, политикой и бытом

Специфичность позиции М Цветаевой как автора драмы-стилизации связана с тем, что первостепенным для поэтессы оказывается не стремление дать прочтение эстетической системы прошлых эпох, а моделирование собственного образа и взаимоотношений с предметом своей страсти

М Цветаева вступает в диалог с представителями западноевропейского сюрреализма (А Арто), экспрессионизма (В Газенклевер), и французской интеллектуальной драмы (Ж Кокто)

Выявляются черты, не позволяющие отнести драмы М Цветаевой к направлениям западноевропейской драмы ярко выраженное личностное начало героев М Цветаевой в противовес деперсонифицированным героям экспрессионистской драмы, оценка мифа сюрреалистами как средства воздействия на подсознание зрителя в противовес отношения М Цветаевой к мифу как к средству самопознания, концентрация внимания представителей французской интеллектуальной драмы на мифологических сюжетах общественно значимой проблематики в противовес интересу М Цветаевой к мифам, вскрывающим проблемы частного характера

Ближе всего «античные» драмы М Цветаевой, с их интересом к болезненно-противоречивой личности и психологизму, оказываются к французской интеллектуальной драме

Моделирование конфликтов драм на основе конфликтов собственного внутреннего мира, выглядящих специфично, любовная интрига, деление персонажей на близких по духу (положительных) и чуждых (отрицательных), повышенная эмоциональность драм поэтессы позволяют характеризовать их жанр как романтическую мелодраму в цикле «Романтика» и интеллектуальную мелодраму (с учетом вложения в материал мощного интеллектуального содержания) в цикле «Гнев Афродиты»

Глава 2 — Драматургия М. Цветаевой в аспекте интерпретации автобиографического опыта. В данной главе исследуется процесс и результат интерпретации М Цветаевой конкретных коллизий биографий в драматургических циклах «Романтика» и «Гнев Афродиты»

В параграфе 2.1 — «Интерпретация автобиографических коллизий в цикле М. Цветаевой «Романтика» — выделяются внутренние причины

обращения поэтессы к драматическому роду литературы именно в период 1918-1919 гг стремление очутиться в максимально родственном, удаленном от обыденности, романтическом мире, который она видит в театральной атмосфере, творческая ревность по отношению к З Гиппиус, женщине, уже написавшей драму, и П Антокольскому, начинающему поэту и уже драматургу, стремление ощущающей влюбленность женщины привлечь внимание актера Ю Завадского, говоря с ним на близком ему языке драмы

Остро осознаваемое М Цветаевой ущемленное женское самолюбие, вызванное отсутствием в реальной жизни желаемых взаимоотношений с окружающими ее мужчинами, провоцирует стремление поэтессы «достроить» эти взаимоотношения в драме Главная цель, которую, по мнению диссертанта, М Цветаева преследует в драматургическом творчестве, — интерпретация собственных жизненных взаимоотношений с объектами своих страстей

Пьеса «Червонный Валет» — интерпретация взаимоотношений М Цветаевой (Червонная Дама) с П Антокольским (Червонный Валет) и Ю Завадским (Пиковый Король) «Червонный Валет» — в такой же степени автобиографическое произведение, как и другие пьесы поэтессы

Исследовав причины выбора М Цветаевой в качестве объекта интерпретации взаимоотношений именно с П Антокольским, Ю Завадским, С Голлидэй, А Стаховичем, диссертант утверждает следующее причиной выбора поэтессой в качестве творческого материала личностей именно этих людей и взаимоотношений с ними следует считать присутствие романтических черт в их облике или поведении

В П Антокольском М Цветаева уловила суть поэта-романтика, его личность была воспринята в ореоле личности боготворимого поэтессой Пушкина

В Ю Завадском М Цветаева увидела мужское воплощение романтической души, что и явилось причиной долгого и страстного чувства поэтессы к «Юрочке», чья личность подвергалась многочисленным трансформациям в драмах М Цветаевой, фиксируя изменение ее отношения к Завадскому от очарованности до презрения

С Голлидэй оказалась необходима М Цветаевой в силу максимального психологического совпадения — как родственная, романтическая душа, а не объект гомозротического интереса Она по-своему заменила собой внутренне глухого, закрытого «Юрочку», оказалась способна понять и оценить душу М Цветаевой, чего не сделал Завадский

В личности А Стаховича М Цветаеву покорила романтический образ поведения, предпочтение обыденному благополучию романтизированного стиля жизни актера

Состояние «очарованности» Завадским, прекрасным внешне, но недоступным внутренне, способствовало формированию у М Цветаевой желания интерпретировать особенности собственного внутреннего мира. Отсюда в пьесе «Каменный Ангел» попытка исследовать ощущаемую поэтессой дисгармонию соотношения стремления к любви чувственной и духовной — противоречие, которое будет впоследствии осознано ею как острейшая проблема и послужит основой конфликтов драм цикла «Гнев Афродиты».

Находящиеся в состоянии актуализации в подсознании М Цветаевой архетипы Трикстера и Духа способствуют выявлению заложенного в личности поэтессы мощного актерского начала. Процесс перевоплощения и выражения эмоций в новом облике, являющемся результатом перевоплощения и традиционно приносящем творческое удовлетворение актеру, возвращал утраченный внутренний баланс и М Цветаевой.

М Цветаева-драматург выступает в своих пьесах и как режиссер — она моделирует не только собственный образ, но и образы других людей, и свои взаимоотношения с ними. Сближает с позицией режиссера М Цветаеву и ее позиция художника-одиночки, стремящегося в жизни и творчестве заявить свое, комплексное, прочтение жизненных явлений.

М Цветаева, демонстративно заявляющая о своем неприятии театра, по сути, оказывается человеком истинно театральным, и не только как автор драм. Органичность театрального начала для личности поэтессы обуславливается романтической сутью ее личности.

В параграфе 2.2 — «*Интерпретация автобиографических коллизий в цикле М. Цветаевой «Гнев Афродиты»*» — исследуются причины повторного обращения М Цветаевой к драме и причины жанрового предпочтения поэтессой драмы-стилизации античной трагедии.

М Цветаева по-прежнему ощущает внутренний дискомфорт, вызванный острой потребностью постоянно переживать чувство любви к человеку, столь же духовно одаренному, как и она. Конфликт с миром перерастает в конфликт с собой — наличие конфликтного начала провоцирует работу над драмой.

Вспышка любовной страсти М Цветаевой к К Родзевичу, ощущение во взаимоотношениях с ним максимального плотского удовлетворения, при полном его отсутствии во взаимоотношениях с мужем, С Эфроном, ставит Цветаеву в остро конфликтную ситуацию выбора между мужем и возлюбленным, между платонической любовью и чувственными страстями.

Осознание сложившейся жизненной ситуации как в высшей степени драматичной провоцирует желание М Цветаевой интерпретировать коллизию именно в драматической форме.

В диссертации приводятся доказательства того, что в трагедии «Ариадна» проинтерпретированы взаимоотношения поэтессы (Ариадна) с Родзевичем (Тезей) и Эфроном (Вакх). Делается вывод о том, что плотская сторона любви, при всем известном тяготении М. Цветаевой к духовному единению, не только не была чужда ей, но была чрезвычайно важна для ощущения психологического равновесия.

В трагедии «Федра» М. Цветаева не только пытается определить ценность для себя духовного и плотского начал любви (духовное воплощает Федра, плотское — Кормилица), но и исследует феномен соотношения в себе женского и мужского начал.

Мужское начало, ощущаемое в своей личности, поэтесса воплотила в образе Ипполита, с которым она идентифицировала А. Бахраха.

Интерпретация М. Цветаевой не только мифологической фабулы, но и чувства Федры к Ипполиту, еще раз подтверждает осознанную поэтессой ценность для себя любви плотской. Цветаевская Федра, акцентируя платонизм своего чувства к Ипполиту, тем не менее, страдает от откровенной плотской неудовлетворенности — аналогичная ситуация известна в отношении самой поэтессы к Бахраху.

Подчеркивается изменение позиции М. Цветаевой-драматурга — теперь поэтессе занимает проблема самопознания. Как следствие — воплощение в образах героев «Гнева Афродиты» ощущаемых противоречивых начал внутреннего мира поэтессы.

Идентификация реальных людей, К. Родзевича, С. Эфрона, А. Бахраха, с героями пьес цикла «Гнев Афродиты» присутствует (в сфере этой идентификации проявляется архетип Духа), но оказывается вторичной.

Поэтесса укрупняет способность объекта своей страсти к пониманию ее души — персонажи пьес М. Цветаевой оказываются не только героями-романтиками, они еще наделены интеллектуальным началом, их образы становятся психологически более глубокими.

Глава 3 — Драматургия М. Цветаевой в аспекте интерпретации художественного опыта классиков и современников. В данной главе исследуется процесс и результат интерпретации М. Цветаевой художественного опыта классиков и современников в драматургических циклах «Романтика» и «Гнев Афродиты».

В параграфе 3.1 — «Интерпретация художественного опыта классиков и современников в цикле М. Цветаевой «Романтика» — оговаривается специфическая позиция М. Цветаевой как интерпретатора романтической культурной традиции. Образ романтической героини и романтическая атмосфера ее произведений — это не игра, а защита от непонимания окружающих, сфера проявления архетипа Духа. Выявляется

особенность восприятия М Цветаевой художественных произведений — заинтересованность в тех художественных составляющих, которые позволяют быть интерпретированными в романтическом ключе, а также воплощают первостепенные для поэтессы ценности любви и творчества

Драма «Червонный Валет» рассматривается как интерпретация драмы А Блока «Роза и Крест» Высказывается предположение, что главным объектом интереса М Цветаевой в пьесе Блока стал образ трувера Гаэтана, воплощения высшей поэтической сути, описание его внешности к тому же оказалось сходно с внешностью молодого Ю Завадского

В «Метели» усматривается интерпретация драмы А Блока «Незнакомка» Лишенный драматического, конфликтного напряжения диалог Незнакомки и Голубого трансформируется в пьесе М Цветаевой в эмоционально напряженную встречу романтических героев, Дамы в плаще и Господина в плаще, переживаемую героиней как судьбоносную, способную избавить ее от гнетущего одиночества и непонимания

«Приключение» — интерпретация мотива луны, воспринятого из драмы Э Ростана «Орленок» и наложенного на сюжетную канву мемуаров Казановы Акцент с героя-мужчины, герцога Рейхштадского, переносится М Цветаевой на героиню, женщину — Генриетту Ее образ может быть рассмотрен как вариант интерпретации образа графини Камераты из ростановского «Орленка»

«Фортуна» — вариант прочтения жизни герцога Рейхштадского через ее наложение на событийную канву мемуаров герцога Лозена Восприятие Лозена как инварианта личности сына Наполеона обусловило не отрицательный, а влюбленный взгляд поэтессы на главного героя «Фортуны»

«Каменный Ангел» — интерпретация судьбы Гретхен, героини трагедии Гете «Фауст» М Цветаева исследует феномен собственной потребности переживать любовь к самому состоянию любви Впервые высвечивается ощущаемая поэтессой проблема утраты гармонии между духовной и чувственной ипостасями любви

«Феникс» — истолкование личности Казановы сквозь призму образа Сирано дэ Бержерака, героя одноименной пьесы Э Ростана Для М Цветаевой Казанова не развратник, а идеальный возлюбленный, не боящийся любви, бесстрашный в любви

В диссертации специально подчеркивается влияние Э Ростана, сказавшегося в произведениях цикла «Романтика» весь цикл проникнут духом ростановских пьес, эстетикой, спецификой построения конфликта, идеями его произведений

Пьесы цикла «Романтика» рассматриваются и как интерпретация «от противного» ключевых идей и образов пролетарской культуры первых

послереволюционных лет Интерес поэтессы к образам великих любовников (Казановы, Лозена) — реакция на выдвижение в качестве героя времени идеологизированного (бесполого) коммуниста-революционера, образ Авроры, героини «Каменного Ангела», трактуется как реакция М Цветаевой на бесполой же образ женщины-революционерки

Факт вступления М Цветаевой в диалог с разными авторами и произведениями позволяет говорить об интертекстуальности драматургического цикла поэтессы

В параграфе 3.2 — «Интерпретация художественного опыта классиков и современников в цикле М. Цветаевой «Гнев Афродиты» — указывается, что, интерпретируя миф о любви Ариадны и Тезея, М Цветаева акцентирует внимание на сюжетном моменте, затемненном в мифе, — причине отказа Тезея от Ариадны. На его основе она строит центральную проблему трагедии — противостояние любви духовной и плотской

Интерпретация осуществляется через наложение на содержание трагедии М Цветаевой психологических смыслов мелодрамы А Дюма-сына «Дама с камелиями», что позволяет расценить произведение М Цветаевой как палимпсест

Мелодраматический образ Маргариты Готье трансформируется в драме М Цветаевой в психологически более глубокий, трагический. Ариадна наделяется провидческим даром и мудростью не по возрасту, что отражает жизненный опыт самой поэтессы

Главный аргумент, приводимый Тезеем в защиту вечности его любви к Ариадне — неистребимость плотской страсти (в противовес акцентированию Маргаритой духовного наполнения ее чувства к Арману), что есть следствие осознания М Цветаевой ценности для себя чувственной любви

В качестве главного объекта интерпретации в трагедии М Цветаевой «Федра» рассматривается одноименная трагедия Сенеки

Отмечается композиционное сходство трагедий Сенеки и М Цветаевой и интерес к постижению внутреннего наполнения страсти. Герои трагедий воплощают нравственно-философские ценности авторов. Интерпретация мифа обоими драматургами тяготеет к принципам «драмы для чтения»

Интерпретируя впервые обозначенную Сенекой причину женоненавистничества Ипполита («Бежит объятий — виден амазонки нрав»), М Цветаева вводит мотив сна, в котором амазонка является сыну, чтобы предупредить о грозящей беде, вследствие чего истолкование причины женоненавистности героя приобретает психологическую конкретность

Кормилица в интерпретации М Цветаевой, как и в интерпретации Сенеки, оказывается подвержена страстям — она «кормится» страстью Фреды, подобно тому, как сама М Цветаева «заражалась» страстями, перевопло-

шаяся в страстных героинь. Образ Кормилицы психологизируется, не уступая по значимости образу Федры.

М Цветаева не рационально описывает страсть (как это делали мужчины-драматурги), а выплескивает ее буквальные проявления, объясняя причину ее возникновения, ее природу, но наполняя страсть интеллектуальным содержанием.

Пьесы цикла «Гнев Афродиты» рассматриваются, кроме прочего, как интерпретация теории трагедии Аристотеля.

Фактором, вызывающим изменение судьбы или душевного состояния героя, у М Цветаевой выступает не узнавание, на чем настаивал Аристотель, а категория, которую мы считаем *осознанием* героем своей судьбы, что делает персонажей цветаевских трагедий психологически значительно более глубокими, чем характеры героев трагедий древних авторов.

В *заключении* работы излагаются выводы исследования и намечаются перспективы его продолжения.

Выводы исследования ретроспективное моделирование собственной жизни в драматургическом творчестве через соотнесение себя и окружающих реальных людей с личностями истории, мифологии, литературы и есть интерпретаторская деятельность М Цветаевой, погружаясь в которую поэтесса стремилась к обретению психологической гармонии.

Перспективы продолжения исследования видятся в следующих векторах: 1) изучение формирования драматургического дискурса в лирике М Цветаевой, рассмотрение соотношения в рамках творчества поэтессы лирических и драматических составляющих, 2) исследование драматургического творчества современников М Цветаевой (Д Мережковского, А Блока, И Анненского, В Маяковского) с учетом комплекса духовных и эстетических поисков, 3) исследование влияния драматургии М Цветаевой на формирование «женской» драматургической традиции (А Соколова, Л Разумовская, Л Петрушевская).

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:**

1 Карпова, ТН М Цветаева-драматург как интерпретатор художественного опыта классиков («Орленок» Э Ростана и «Приключение» М Цветаевой) [Текст] / ТН Карпова // Вестник Чувашского университета — № 4 — 2007 — С 314-317 (0,5 п л) (Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)

2 Карпова, ТН Марина Цветаева как театральная зрительница [Текст] / ТН Карпова // Материалы 3 международной конференции «Человек в

информационном пространстве» Межвузовский сборник научных трудов
Выпуск 6 — Ярославль «Истоки» — 2006 — С 134-139 (0,45 п л)

3 Карпова, Т Н Лирическое начало в творческом методе М Цветаевой-драматурга [Текст] / Т Н Карпова // Матеріали ІХ Міжнародної науково-практичної конференції «Наука та освіта — 2006» Том 12 Філологічні науки — Дніпропетровськ Наука і освіта — 2006 — С 108-110 (0,5 п л)

4 Карпова, Т Н Драматургический цикл «Романтика» М И Цветаевой в контексте художественных устремлений времени [Текст] / Т Н Карпова / / Культура Литература Язык Материалы конференции «Чтения Ушинского» Ч 1 — Ярославль Изд-во ЯГПУ — 2006 — С 23-28 (0,35 п л)

5 Карпова, Т Н Образы античных героинь в интерпретации М Цветаевой (по драматическим произведениям «Ариадна» и «Федра») [Текст] / Т Н Карпова // Язык и общество Диалог культур и традиций Сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского» Вып 5 Т 1 — Ярославль Изд-во ЯГПУ — 2006 — С 160-164 (0,3 п л)

6 Карпова, Т Н Марина Цветаева как зритель спектаклей по произведениям классики [Текст] / Т Н Карпова // Ярославский педагогический вестник — № 2(47) — 2006 — С 85-88 (0,55 п л)

7 Карпова, Т Н «Каменный гость» А С Пушкина в интерпретации М. Цветаевой [Текст] / Т Н Карпова // А С Пушкин в Подмосковье и Москве К 170-летию со дня гибели А С Пушкина Материалы XII Пушкинской конференции 7-8 октября 2006 г, — М «Мелихово» — 2007 — С 103-112 (0,5 п л)

8 Карпова, Т Н Драма М Цветаевой «Червонный Валет как интерпретация» [Текст] / Т Н Карпова // Науки о культурі в новому тисячелітті Матеріали І Міжнародного colloquium молодих учених — М , Ярославль Изд-во ЯГПУ — 2007 — С 169-172 (0,5 п л)

Подписано в печать 12 05 2008 г

Формат 60х90 1/16

Усл печ л 1,5 Тираж 100 экз

Заказ № 1146

Типография «Канцлер»

150003, г Ярославль, ул Столярная, 14